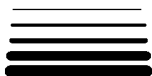
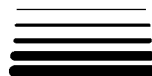

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

ЭТОС НАУКИ.

М.: РАН. Институт философии; Ин-т истории естествознания и техники / Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. – М.: Academia, 2008. – 544 с.

В.А. ШУПЕР

Монография меньше всего похожа на академический труд по этике. Ее авторский коллектив, весьма разнородный как по взглядам, так и по исследовательским установкам, напоминает группу геологов, обследующих территорию после гигантского природного катаклизма. Однако участники этой интереснейшей экспедиции при общей увлеченности находятся в совершенно разном расположении духа.

В статье В.Н. Поруса «*Этика науки в структуре философии науки*», написанной, можно сказать, кровью сердца, сказано, что «если видеть в науке только инструмент для решения практических задач жизнеобеспечения человечества, так сказать, *когнитивный фактор биологической эволюции*, то рассуждения о ее «конце» имеют резон. В самом деле, идея бесконечной перспективы познания (а именно она пока еще определяет *культурный* смысл науки) выводит за пределы такого, с позволения сказать, прагматизма. И поэтому от нее можно отказаться, снабдив отказ шекотливым аргументом о чрезмерности притязаний науки, их принципиальной непосильности для человечества... Собрание этих и подобных им аргументов не плод скудоумия, а неизбежное следствие губительного для современной (европейской по генезису и мировой – по масштабу) культуры разрыва между ее универсалиями – Истины и Блага, смысл которых из-за этого разрыва низводится до пошлого приравнивания Блага к удовлетворению желаний «массового человека», а истины – к инструменту его же воли к власти. Для философии науки – это, возможно, самый серьезный вызов. Чтобы ответить на него, ей мало включить в свою структуру этику. По сути, она сама должна стать этикой: теорией свободного выбора культурных универсалий в сфере научного познания» (с. 104-105).

Напротив, статья Б.Г. Юдина «*В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания*» написана очень бод-

ро, безо всякого катастрофизма, можно сказать, с позиций здорового научного объективизма, хотя и посвящена в значительной мере констатации отмирания последнего. «У всех нас, — пишет Б.Г. Юдин, — за последние десятилетия была масса возможностей убедиться в том, что в нынешних своих масштабах и формах научно-технический прогресс *непрерывно, постоянно* генерирует все новые и новые проблемы этического характера. Поэтому размышлять и дискутировать о них, искать их решения приходится не от случая к случаю, а постоянно. ... научная деятельность совершенно явным образом обретает новые стороны, связанные с морально-этической рефлексией. Последняя при этом становится такой же неотъемлемой составляющей современного научного познания, как и методологическая рефлексия» (с. 366). Б.Г. Юдин подходит к решаемой задаче не столько с исследовательских, сколько с инженерных позиций: «... можно констатировать, что не только практика проведения биомедицинских исследований, но и практика их (и далеко не только их!) этической экспертизы обрели сегодня черты, характерные для индустриального производства. Оказывается, что этика здесь выступает не только в столь привычной регулятивной, но также и в сугубо инструментальной роли» (с. 377).

Любопытно, что обоснование все возрастающей роли этических соображений в развитии науки не сопровождается какой-либо этической оценкой процесса, в результате которого мертоновский идеал научной этики, а практически все авторы сборника либо опираются на него, либо от него отталкиваются — все дальше уходит от нас в славное прошлое. Б.Г. Юдин объективно описывает объективный процесс угасание идеалов объективного научного знания и сформированного этим идеалом этоса науки. Исследования человека, по его справедливому замечанию, неизбежно порождают конфликт интересов: «... с одной стороны, исследователь, стремящийся к получению нового знания; с другой стороны, испытуемый, для которого на первом месте — терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым» (с. 371). Между тем сама эта проблема стояла совершенно иначе, когда жертвенное служение науке было идеалом (пусть в большинстве случаев недостижимым) ушедших поколений ученых. Сколько опаснейших экспериментов было поставлено медиками и биологами на себе в прошлом и позапрошлом столетиях! О каком терапевтическом эффекте думал Макс Петтенкофер, публично выпивший пробирку с возбудителем холеры, чтобы опровергнуть гипотезу о вирулентности открытого микроорганизма. Увы, даже смертельно рискуя собой во имя самых высоких идеалов можно оказать науке медвежью услугу. Однако при деградации тех испытанных временем этических принципов, благодаря которым наука достигла величайших

успехов и заслуженно высокого авторитета, такие услуги много более вероятны, причем они не всегда становятся результатом добросовестного заблуждения. Можем ли мы расстаться без сожаления с этими принципами, как змея, выползая из старой кожи, или мы должны отчаянно цепляться за них?

Привлечение «людей с улицы» и младшего медицинского персонала для работы в комитетах по этике, безусловно, позволяет сделать рекомендации ученых более приемлемыми для общества, но остаются ли они приемлемыми для самой науки, если последняя не отказывается полностью от собственной идентичности? Клонирование человека недопустимо в силу его сугубой опасности для жизни и здоровья возникшего таким образом ребенка или в силу нежелания церкви допустить создание генетических копий чад божьих? Весьма сомнительна позиция, осуждающая саму **допустимость** использования научных достижений для того, чтобы позволить людям иметь здоровых и красивых детей, во всяком случае, она сомнительна для ученых. Возникает опасение, что разбавление ученых во всевозможных комитетах по этике людьми, не имеющими отношения к науке, приведет к тому, что ученые оттуда будут со временем вытеснены полностью.

Разве именно ученым доверяется распределение средств на те же биомедицинские исследования в наиболее цивилизованных странах? А с какой стати они вообще могут на это претендовать, служа обществу за его же деньги? Между тем, если ученые часто ошибаются как в собственно научных, так и в научно-организационных вопросах, то люди, не принадлежащие к науке, ошибаются в них всегда. Можно предать забвению простую мысль Л.А. Арцимовича о том, что в научной политике наша единственная опора — просто интуиция и здравый смысл, но нельзя ее опровергнуть. Автор рецензии относится с надлежащим уважением ко всем достойным людям, в том числе и не имеющим никакого отношения к науке и даже никакого представления о ней, но полагает постыдным малодушием возлагать на них решение тех проблем, с которыми не смогли (или не захотели) справиться сами ученые. Разумеется, делиться ответственностью много приятней, чем материальными благами, но социальная функция ученого подобна функции врача, коему надлежит говорить пациентам даже самую горькую правду, а не официанта, который никогда не позволит себе сказать посетителю, что изысканный армянский коньяк следует закусывать сладким персиком, а не соленым огурцом.

Если в биомедицинских исследованиях и в смежных с ними областях действительно могут возникать совершенно особые ситуации, когда забота о недопущении ущерба здоровью человека требует, как указывает Б.Г. Юдин, чтобы этические соображения учитывались уже на стадии подготовки исследовательских про-

ектов, дабы обеспечить их потенциальную реализуемость, то в других сферах исследований критическое изменение этической ориентации ученых вызваны резко усилившимся преобладанием прикладной науки над фундаментальной. Этой проблеме посвящена статья **Б.И. Пружинина** «*Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия*». «В рамках самой научно-познавательной деятельности, — пишет Б.И. Пружинин, — носителем идеи истины как основополагающей ценности остается фундаментальная наука. Но сегодняшняя реальность такова: логика развертывания науки в целом определяется не ее собственными интересами, а интересами приложений. И гипотетико-дедуктивная организация знания уже не является основной формой развития науки как таковой, ибо эта форма предполагает самостоятельность науки в постановке своих целей. А такой возможности у науки уже нет. Науку теперь движут вперед приложения» (с. 119).

Рационалистическому осмыслению сложившейся познавательной ситуации посвящена пространная статья **А.П. Огурцова** «*От нормативного Разума к коммуникативной рациональности*», в которой, как и в статьях В.Н. Поруса и Б.И. Пружинина, анализируется исторически преходящий характер разделения Истины и Блага, причем делается это уже на материале античной философии. Сократ при этом противопоставляется софистам, поскольку считал допустимым использовать красноречие только для достижения благородных целей, а не любых целей вообще. «Для Сократа важны не просто уверенность в справедливости, — пишет А.П. Огурцов — а знание справедливости, знание существа дела, а не просто поиск одних только средств убеждения. Сократ разворачивает критику софистической трактовки риторики, подчеркивая злоупотребление софистами ею для совершения несправедливых дел. Для Сократа и Платона риторика — не сноровка, а подлинное искусство, которое воплощает в себе высшую справедливость — высшее благо, создающее закон, строй и порядок» (с. 51).

Перейдя к современности, А.П. Огурцов противопоставляет атакам на Истину и Благо со стороны постмодернистов, будь то П. Фейрабенд или М. Фуко, симпатии которого всецело на стороне софистов. «Если для софистов говорить и спорить означало стремиться к победе любой ценой, даже ценой самого грубого обмана, то это потому, что для них речевая практика была неотделима от проявлений власти» (с. 67)». Напротив, «с точки зрения Сократа, говорить стоит, если хочешь сказать правду (там же)». Главная опасность, по мнению А.П. Огурцова, состоит в том, что «хотя методология науки сохраняет свой статус в философии науки, приобретая новый круг проблем, центр внимания все более смещается к теории аргументации в истолковании научного знания и складывается новый подход в философии науки — *риторика на-*

уки... Логикой концептуализации предстает теперь логика аргументации, теорией текста — теория нарративов, концепцией научной коммуникации — риторика, основной единицей анализа — научный дискурс и дискурсивные практики. Таковы некоторые следствия той переориентации философии науки на логику аргументации и риторику, которая происходит на наших глазах. Знание оказывается убеждением (belief) или суждением (judgment), которое использует ради своей общеобязательной значимости аргументацию из разных областей исследования» (с. 68).

Если в 50 — 60-е гг. было достаточно выделить совокупность общезначимых этических норм, регулирующих деятельность научного сообщества, то уже в 70-е гг., как отмечает А.П. Огурцов, в центре внимания оказалась реальная практика их использования, произошел коммуникативный поворот в философии науки.

К настоящему времени философия науки и ее историография прошли, по А.П. Огурцову, свой круг — от утверждения универсальных методологических правил до погружения научной рациональности в исторически изменчивые контексты научной коммуникации, лишенные каких-либо универсальных норм. «Теперь же начинается новый круг — возврат к идее универсальности, поиск универсальных норм и правил, в том числе и научных коммуникаций. Но этот новый круг уже обогащен осознанием того, что собой представляет научная практика, насколько дискурсивные практики «отягощены» процедурами аргументации и интерпретации и не могут быть целиком и полностью редуцированы к методам доказательного знания, сколь трудно достижение согласия в научном сообществе и тем более объективности знания» (с. 79). Как видим, А.П. Огурцов явно склонен сдать в архив концепцию третьего мира К. Поппера, но как бы ни было жаль расстаться с этой красивейшей конструкцией, защита объективности научной истины все же важнее для выживания науки.

Особо отметим блок статей, посвященных этосу постнеклассической науки. Последняя диковинна сама по себе, так что и этос ее не может не быть необычным. В.С. Степин в статье «Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности» указывает, что «постнеклассическая рациональность представляет собой новый этап развития научного этоса. Освоение сложных саморазвивающихся систем вносит коррективы в понимание научного этоса, включает в него в явном виде ценностные компоненты, которые традиционно полагались внеаучными» (с. 45).

Эти мысли развиваются и в статье Л.П. Кияшенко «*Этос постнеклассической науки*»: «Этос постнеклассической науки по-новому определяет статус *научного* по отношению к *ненаучному*... происходит переход от проблемы демаркации научного и ненаучного знаний к проблеме диалога в различных его формах» (с. 227).

В статье дан подробный анализ дисциплинарных матриц, по Т. Куну, характерных для классической, неклассической и постнеклассической науки, причем последняя матрица именуется трансдисциплинарной, что отражает качественно новый характер постнеклассической науки и ее этоса. Это качественное отличие состоит, в частности, в том, что «исследовательский интерес в современном научном познании смещается в парадоксальный мир становления, одной из форм освоения которого является синергетическая мысль» (с. 229).

Авторы статей фактически спорят друг с другом, побуждая к этому и читателя. Так, в увлекательной статье М.А. Розова «*Нормативная структура науки*» мы читаем: «Представьте себе, что речь идет не о науке, а о производстве автомобилей. Тогда, опираясь на образец, заданный Мертоном, мы могли бы следующим образом задать этос автомобилестроения. 1. Существуют четко заданные технологии производства, и их следует соблюдать, независимо от тех или иных индивидуальных особенностей участников производства. 2. Производство имеет коллективный характер, и продукты каждого рабочего попадают на общий конвейер. Рабочий должен осознавать, что он трудится ради решения общей задачи. 3. Работник должен проявлять бескорыстие и преданность делу, не допуская, чтобы этому мешали личные интересы. 4. Должны иметь место постоянный контроль качества и непримиримое отношение к браку. Чем приведенные формулировки принципиально отличаются от императивов универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма, сформулированных Мертоном? Думаю, что ничем» (с. 185 – 186).

На самом деле отличия огромны. Во-первых, мертоновский коллективизм предполагает свободное использование результатов исследований, т.е. продуктов труда ученых, всеми членами научного сообщества, что в принципе невозможно в случае манипулирования объектами, имеющими не информационную, а вещественную или энергетическую природу. Во-вторых, совершенно непонятно, с какой стати работники автозавода должны проявлять бескорыстие, если только речь не идет о коммунистическом обществе, где «труд стал делом чести, доблести славы и геройства». Многие состоятельные ученые, подобно Г. Кавендишу и А. Лавуазье, из личных средств финансировали свои исследования, но едва ли кто станет платить свои деньги за счастье работать на конвейере автозавода, если только речь не идет об удовлетворении кратковременного любопытства. Науке же принято посвящать жизнь и это – важнейшая черта ее этоса. Другие формы творчества, например, литературное или художественное, не требуют, как минимум, организованного скептицизма, или даже несовместимы с ним. Последнее относится и к религиозным исканиям. Бизнес не совместим не

только с бескорыстностью, но и с коллективизмом. Думается, что Р.К. Мертона не подвела научная интуиция и он верно схватил то самое существенное, что отличает науку от всех других форм творчества — именно этос, а не метод, который, по Попперу, един «от амебы до Эйнштейна»¹. Это метод проб и ошибок.

Между тем, этос науки не может не испытывать драматических изменений, когда наука все более теряет твердую почву под ногами в виде объективной реальности. В мире, устроенном по принципу “Perception is reality” (Представление о реальности и есть реальность), уже действительно нельзя абстрагироваться от возможностей использования результатов даже самых почтенных академических исследований. Автору рецензии недавно довелось участвовать в семинаре демографов, где обсуждались экономические последствия возрастания ожидаемой продолжительности жизни. Было отмечено, что эти последствия зависят не столько от объективного изменения этого показателя, сколько от его субъективной оценки экономическими агентами. Может и вправду людям станут морочить голову, что они будут жить очень долго, чтобы покупали недвижимость и попозже выходили на пенсию? Это ведь ложь во благо и она, конечно же, будет преподноситься от имени науки, которая уже не только не может укрыться от мерзостей жизни в башне из слоновой кости, но даже забыла, что когда-то в ней жила. А, может, все-таки долг ученых — попытаться убедить общество, что ему наука нужна такой, какой она была, а не такой, какой она становится? Если мир сходит с ума, разве не почтенно стать динозаврами рационализма и обосноваться в каком-нибудь парке юрского периода? 27 авторов монографии не дают ответов на эти и другие подобные вопросы, но они их поставили, а без правильной постановки задачи невозможно ее решение.

¹ Popper K. Unended Quest. An Intellectual Autobiography. 6th ed. Glasgow, 1982. P. 52.